

**Бабкин М. А. СВЯЩЕНСТВО И ЦАРСТВО (Россия, начало XX в. - 1918 г.).
Исследования и материалы**

Автор: Б. Н. МИРОНОВ

М.: Индик, 2011. 920 с.

Повышенный интерес к религиозным вопросам в современном российском обществе несомненен. Одна из важных причин этого состоит в том, что долгое время этот интерес подавлялся, загонялся в подполье, не мог реализоваться. К числу наиболее важных и актуальных вопросов истории Русской православной церкви (РПЦ) можно отнести взаимоотношение церкви и власти, особенно в период революций - 1905 г. и 1917 г. В отечественной и зарубежной историографии до сего дня нет всеобъемлющей, комплексной работы по этой проблеме.

М. А. Бабкин предпринял попытку пересмотреть сложившиеся в историографии взгляды на взаимодействие светских и духовных властей в начале XX в. и на роль духовенства в революционных событиях 1917 г. В результате тщательного исследования, основанного на широком круге источников, в том числе архивных, автор пришел к важным, свежим и обоснованным выводам.

Самое парадоксальное открытие Бабкина - de facto пролиберальная позиция Русской православной церкви. С рубежа XIX-XX вв. вплоть до начала Февральской революции представителями высшей иерархии РПЦ проводилась деятельность, направленная на ограничение участия императора в церковном управлении и на "отдаление" церкви от государства. В то же время духовенство едва ли не демонстративно уклонялось от разработки богословского взгляда на царскую власть. В целом, оно придерживалось "рациональных" оценок, дававшихся царской власти юристами и историками, уклоняясь от обсуждения и решения такого принципиального вопроса, как церковные полномочия императора и так называемые священные права помазанника Божьего. Даже относительно вопроса, является ли миропомазание государя церковным таинством или не является таковым, среди иерархии не наблюдалось единства. Меры, предпринимавшиеся представителями епископата в предреволюционные годы, направлялись на "десакрализацию" власти российского самодержца. Они сводились к укоренению в сознании паствы представлений о царе не как о духовно-харизматическом "лидере" народа и "Божием установлении" (помазаннике), а как о мирянине, находящемся во главе государства. Духовенство (в частности, члены Синода РПЦ) стремилось обосновать, что между царской властью и какой-либо иной формой правления нет, по сути, никаких принципиальных отличий: всякая, мол, власть - "от Бога". После нескольких безуспешных попыток добиться высочайшего разрешения на созыв Поместного собора представители архиерейского корпуса стали связывать надежды на "освобождение", "раскрепощение" церкви от императорского контроля с возможностью смены формы государственной власти в России в пользу "любой" формы правления. Стремясь увеличить свою власть за счет умаления прав верховной власти в области церковного управления, видные представители высшего духовенства работали, по существу, на революцию. И само "освободительное движение" (в первую очередь - в лице левых и центристских партий) добивалось в принципе аналогичного: ограничения власти царя в пользу "народного представительства". Духовенство с начала XX в. постепенно становилось в оппозицию к царской власти, стремясь освободиться от государственного надзора и опеки, получить возможность самоуправления и самоустроения. Основным мотивом соответствующих действий священнослужителей являлось стремление разрешить многовековую проблему "священства-царства" в свою пользу.

Утверждение Бабкина о *фактически* пролиберальной позиции иерархов РПЦ вызвало сильную критику. В ней проявилось влияние традиционной парадигмы, в рамках которой православное духовенство было стигматизировано как консервативное, конформистское и сервильное. На мой взгляд, антимонархическая позиция духовенства являлась отражением демократизма российской интеллигенции в конце XIX-начале XX вв.,

которая в огромном большинстве была настроена против монархии, во всяком случае, против того варианта, который установился в России даже после Октябрьского манифеста 1905 г. Практически все иерархи имели высшее духовное образование, как правило, закончили духовные академии, где преподавали часто те же либеральные профессора, что и в университетах. Будущие священники и дьяконы учились в семинариях, также зараженных вольнодумством. Общий этос образованных русских людей начала XX в. был демократический и антимонархический, борьба за групповые интересы стала их общей стратегией. Духовенство как социальная и профессиональная группа российского социума не могла в своих социальных и политических воззрениях сильно отличаться от других групп, с которыми она тесно контактировала. Все люди смертны. Сократ - человек, следовательно... Тем более что белое духовенство имело серьезные материальные, а иерархи - политические претензии к светским властям. Последние в течение двух столетий, со дня упразднения патриаршества Петром I, были недовольны "антиканонической" системой управления РПЦ и желали восстановления патриаршества и автономии РПЦ.

Не сумев самостоятельно добиться от правительства автономии, иерархи стали связывать свое освобождение от государственной зависимости с падением монархии. В силу этого с первых дней Февральской революции духовенство решило воспользоваться сложившейся в стране политической ситуацией для осуществления своих стремлений к автономии. 7 - 9 марта 1917 г. в церковно-монархическом лозунге "за Веру, Царя и Отечество" церковь исключила девиз "за Царя", тем самым отказавшись от исторически сложившейся государственно-монархической идеологии. Отказ Церкви от девиза "за Царя" способствовал уходу с российской политической сцены монархического движения.

Члены Синода, приведя православную паству к присяге на верность Временному правительству и не освободив народ от действовавшей присяги на верноподданство императору, сподвигли, по сути, российских граждан на клятвopеступление. В своем стремлении ускорить наступление в стране демократии они даже опередили светскую власть: Россия была официально провозглашена республикой через шесть месяцев после Февральской революции, а Синод благословил республику "молитвенно-духовно ("богословски" и "богослужебно") через шесть дней. Другими словами, в те дни, когда вопрос о трансформировании самодержавия в конституционную монархию был актуален, Синод предпринимал меры для предотвращения ее реставрации, для закрепления завоевания революции и придания ей необратимого характера. Действия Синода были обусловлены мотивами, вытекающими из проблемы "Священства-Царства". Уничтожение монархической власти снимало и сам предмет многовекового спора о преобладании в государстве власти царя над властью первосвященника или власти первосвященника над царем.

В качестве основных факторов, которые привели Россию к перемене государственного строя, православные иерархи выдвигали "неисповедимый промысел Божий", проявление "Божественной воли" или же свершившийся "суд Божий", последовавший по причине порабощения церкви императорской властью и препятствий, чинимых царем восстановлению патриаршества. В результате таких проповедей в сознание паствы внедрялась мысль, что положительное отношение к совершившемуся государственному перевороту и его результатам есть не только патриотический, но и религиозный долг граждан страны.

Приходское духовенство проявляло еще больший радикализм, чем иерархи - оно желало демократизации епархиальной и приходской жизни. Широко звучали голоса о желательном установлении выборности епископата, о необходимости участия рядовых священнослужителей в управлении епархиями, о справедливом распределении между членами причта доходов, об уравнивании в правах белого и чёрного духовенства и проч. Вплоть до осени 1917 г. идея патриаршества была непопулярной среди большинства российского духовенства, справедливо видевшего в стремлении иерархов посредством реставрации патриаршества установить свое единовластие в церковных делах.

Выводы М. А. Бабкина, на мой взгляд, основательно аргументированны, но возражение вызывает оценка уровня радикализма духовенства и степень его влияния на революционные события через православную паству.

Вряд ли, на мой взгляд, правомерно говорить о показном характере монархических взглядов клириков до Февральской революции, опираясь только на то, что духо-

венство в одночасье отвернулось от монархии. Настроение и конъюнктура - это одно, а убеждения - другое. Этот тезис требует более серьезных доказательств.

Мне кажется, что автор увлекается, когда говорит о том, что духовенству принадлежала "одна из основных ролей" в свержении самодержавия, в закреплении завоеваний буржуазно-демократической революции, в признании верующими республиканского правления. Важная роль духовенства, несомненно, автором доказана. Достаточно напомнить, что новое руководство Синода и новые власти пристально следили за поведением духовенства, особенно иерархов, по всей стране и пресекали всякие попытки его выступления на стороне свергнутого режима, убирая со своих кафедр провинившихся епископов. Если бы слово церкви не имело никакого значения и власти не опасались влияния духовенства на настроения народа, то надзор со стороны Синода и нового обер-прокурора В. Н. Львова за пастырской деятельностью, за проповедями, произносимыми духовенством, особенно иерархами, не был бы установлен. Но аргументация в пользу основной, т.е. главной, центральной, роли духовенства в революционных событиях пока мне не представляется достаточной. Для доказательства своей концепции Бабкин в специальном параграфе "Была ли альтернатива действий у Св. Синода?" рассматривает контрафактическую ситуацию: как бы стали развиваться события, если бы Синод не поддержал Февральский переворот и Временное правительство. Анализ компетенции членов высшего органа церковного управления в принятии мер охранительного характера по защите самодержавного строя позволяет заключить, что альтернатива действиям (во многом - бездействию) Синода в февральско-мартовские дни 1917 г. имела. В распоряжении Синода было много возможностей, которые уже применялись, в частности, в период Первой российской революции. Тем не менее, ни одна из мер по поддержке или трона (до 2 марта), или самого института монархии (продолжавшего существовать по крайней мере до решения Учредительного собрания о форме правления в России), или арестованной царской семьи предпринята не была. В то же время, начиная же с 6 марта 1917 г., Синодом был проведен комплекс охранительных действий в отношении Временного правительства. Перечисленные Бабкиным меры Синод в принципе принять мог, но имели бы они серьезные успокоительные последствия, удержали бы страну от сползания к революции, сохранили бы конституционную монархию и направили бы политические события и в столице, и на местах по иному сценарию, все равно остается открытым вопросом.

Однако и утверждение оппонентов Бабкина, что политическая эффективность выступлений епархиальных архиереев, не говоря уже о приходском духовенстве, фактически равнялась нулю, не представляется мне убедительным. Царская власть являлась в многонациональной и многоконфессиональной России, с ее разным уровнем социально-экономического развития огромных территорий, системообразующим стержнем. И последствия исчезновения этого стержня, чему хотя бы до некоторой степени способствовало духовенство, имели катастрофические последствия.

Справедливо принимая, что *"следствием февраля 1917г. явился Красный Октябрь, который, в свою очередь, послужил началом "ленинского эксперимента", завершившегося в 1991 г."*, Бабкин предполагает: *"на духовенстве РПЦ лежит немалая доля ответственности за исторические перипетии России в XX в."* (с. 606). Такое предположение пока тоже, на мой взгляд, является смелой гипотезой.

Таким образом, решив одни вопросы, Бабкин вольно или невольно поставил другие. Каковы предпосылки, причины, корни конфликта между Священством и Царством? Кто и в какой степени виноват в эскалации конфликта? Почему его не удалось минимизировать? Насколько сильным было влияние духовенства на паству в разных социальных группах? Какими средствами и насколько эффективно оно воздействовало на массовое сознание? Сознавали ли иерархи, прежде всего входившие в состав Синода, что своими действиями они легитимировали свержение монархии и установление власти Временного правительства, способствовали не умиротворению, а эскалации революционного процесса? Каковы были истинные политические убеждения (в отличие от сиюминутной конъюнктурной пролиберальной политической позиции) иерархов? Насколько их поведение в 1917 г. являлось следствием их политических взглядов и насколько проявлением конформизма и прагматизма? На 1 марта 1917 г. "штатных", т.е. действующих, иерархов насчитывалось 158, поэтому просопографическое исследование иерархов РПЦ, или созда-

ние их коллективной биографии, поможет ответить на вопросы, связанные с поведением иерархов. В мемуарах, письмах, беллетристике и других источниках личного происхождения можно поискать ответы на вопрос о силе влияния духовенства на паству.

Своим открытиям Бабкин обязан междисциплинарному характеру **исследования**. Именно сочетание теологического, или богословского, и исторического подходов привело автора к новому взгляду на деятельность православных иерархов. Отношение церковного руководства к императору и революционным событиям четко фиксировалось в богослужебных, ставленнических и других чинах РПЦ, в архиерейских присягах, богослужебных титулованиях архиереев, в государственных присягах и, в конечном счете, в "Служебниках", содержащих богослужебные тексты, произносимых священниками и диаконами во время богослужения. Например, анализ богослужебных книг второй половины XIX - начала XX в. привел к важному выводу: статус церковного поминоения архиереев на богослужениях повысился, в то время как статус поминоения императора понизился, вплоть до полного "исчезновения" упоминания на богослужениях помазанника Божьего в марте 1917 г. Это открытие ставит новый вопрос. Если РПЦ находилась, как считали иерархи, под строгим контролем государства, то как им удалось внести столь важные изменения в "Служебники". Напрашивается предположение, что контроль был не столь строгим, а зависимость от государства преувеличивалась.

Аналогичным образом Бабкин установил, что уже к концу марта 1917 г. все места богослужебных, ставленнических и других чинов РПЦ, где ранее поминалась царская власть, были исправлены Синодом. Содержание же измененных книг соответствовало республиканскому устройству России как якобы свершившемуся факту. Синод благословил республику "молитвенно-духовно" ("богословски" и "богослужебно") уже через шесть дней после свержения монархии. Исправление богослужебных книг по всей России свидетельствует о том, что высшие церковные иерархи и до 1917 г. тихо и незаметно вели борьбу за свои права и привилегии, медленно, но верно утверждали свой авторитет за счет царского. На первый взгляд, скорый поворот иерархов в сторону Временного правительства являлся не только, а, может быть, и не столько проявлением прагматизма и конформизма, сколько проявлением давно скрываемого желания автономии от государственной власти.

Исследование взаимоотношений церкви и государства выиграло бы, если бы автор привлек для анализа **социологический** инструментарий, например теорию конфликта. Один пример. Предмет **исследования** - политический конфликт между Царством и Священством, возникший в петровское царствование после упразднения патриаршества и автономии церкви. Данный конфликт целесообразно анализировать в рамках теории "производного конфликта", так как его источник кроется в несогласованности взаимодействия между институтами. В течение двух веков этот конфликт то затухал, то усиливался и, наконец, в конце февраля 1917 г. вышел из правового поля и превратился в бунт. Между тем гармонизация отношений, восстановление равновесия, снижение градуса напряжения посредством достижения компромисса между групповыми интересами конфликтующих сторон и внесения нововведений в отношения между церковью и государством в принципе могли если не устранить, то минимизировать конфликт. Почему этого не произошло? Использование теории конфликта позволит ответить на этот принципиальный вопрос.

Монография М. А. Бабкина является фундаментальным **исследованием** истории РПЦ в позднеимперской России. Автор сделал ряд новых свежих выводов, некоторые из которых требуют дальнейшего изучения и пока имеют статус научной гипотезы. То, что выводы вызывают жаркие споры, свидетельствует о плодотворности проделанной им работы, о ее научной новизне и значимости.

Б. Н. МИРОНОВ, доктор исторических наук, профессор (СПбГУ)

Уточнение

При публикации статьи "Факторы риска, состояние здоровья и прогноз выживания женщин" в N 7 за 2012 г. допущена неточность в указании авторов. Приводим полный список авторов названной статьи: К. И. Янкаускене, А. И. Юозулина, Л. Й. Самсонене, Д. М. Гаршвене, Д. М. Даукшене, А. А. Даукша.